

Список литературы

- Батюшков Ф. Д.* Сказание о споре души с телом в средневековой литературе // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. Февр.
- Безобразова М. В.* Заметки о Диоптре // Там же. 1893. № 11. С. 27–47.
- Громов М. Н., Мильков В. В.* Идеиные течения древнерусской мысли. М., 2001.
- Инока Максима бесьда души и уму, по вопросу и отвѣту, о еже откуда страсти ражаются въ насъ, въ немже и о Божественномъ Промыслѣ, и на звѣздочетцовъ // Сочинения преподобнаго Максима Грека. Казань, 1860. Ч. 2.
- Инока Максима Грека слово душеполезно зыло внимающимъ ему. Бесѣдуеть умъ къ души своей. Въ немже и на лихоимство // Там же.
- Макаров А. И., Мильков В. В., Смирнова А. А.* Древнерусские Ареопагитики // Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. 3 (1). М., 2002.
- Мильков В. В.* Примирение духа и плоти (неоплатоническая традиция в древнерусской мысли) // Философские и богословские идеи в памятниках древнерусской мысли. М., 2000.
- Прохоров Г. М.* «Диоптра» Филиппа Пустынника – «Душезрительное зеркало» // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979.
- Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв. Л., 1987.
- Сочинения преподобнаго Максима Грека. Казань, 1860. Ч. 2.

С. М. Кадочников

ПРЯМЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ И ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ В УСЛОВИЯХ ВСТУПЛЕНИЯ РОССИИ В ВТО: СУБСТИТУТЫ ИЛИ ДОПОЛНЕНИЯ?

К постановке проблемы

Конец XX – начало XXI века отмечены для мировой экономики значительным ускорением процессов международной экономической интеграции, отходом большой группы стран от политики внешнеэкономической закрытости, основанной на протекционизме и импортозамещении, в пользу внешней ориентации.

После начала Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров в рамках ГАТТ в 1986 году более 60 развивающихся стран в одностороннем порядке снизили импортные торговые барьеры. Все больше стран – развитых и развивающихся – осуществляют либерализацию импорта, оказывают поддержку экспорту, поощряют иностранные инвестиции и снижают ограничения на движение капиталов. Такая стратегия обеспечила основу для роста благосостояния промышленно развитых стран и выдвинула ряд стран с развивающимися экономиками в число ведущих стран по объемам внешней торговли и импорта прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ).

Глобальная тенденция к рыночной открытости проявляется в мировой экономике в различных формах. Во-первых, в последние годы отмечается бурный рост числа региональных торговых соглашений, что само по себе является реакцией на расширение региональных торговых и инвестиционных связей. Так, в 1990–1994 годы в рамках ГАТТ/ВТО были нотифицированы 33 региональных торговых соглашения, что составляет третью часть всех региональных соглашений, заключенных за период с 1948 года. Во-вторых, наблюдается настоящий бум двусторонних соглашений о защите инвестиций. Из общего числа 1600 соглашений половина была заключена в 1990-е годы. В-третьих, расширяется список стран, стремящихся к вступлению в ВТО. Только за период с 1986 по 1998 год к ГАТТ/ВТО присоединились 32 страны [Open markets matter, 1998: 35–36].

Главная причина углубления процессов внешнеэкономической открытости стран и регионов в мировой экономике состоит в том, что в результате либерализации торговли и инвестиций страны получают ощутимые выгоды, которые сказываются на благосостоянии и отражаются на росте доходов на душу населения.

Россия также все больше вовлекается в общие процессы углубления международной экономической интеграции. На повестке дня стоит вопрос о присоединении нашей страны к соглашениям Всемирной торговой организации (ВТО). Проанализировав направления этого процесса, требования, которые необходимо учесть при реализации государственной экономической политики в сферах, регулируемых ВТО, а также оценить возможный экономический эффект для России от этого шага представляется очень актуальной исследовательской задачей¹.

В настоящей статье мы намерены рассмотреть вопрос о взаимосвязи между торговой либерализацией в принимающей экономике как одного из главных следствий вступления страны в ВТО, с одной стороны, и привлекательностью данной экономики для прямого зарубежного инвестирования – с другой. К чему приведет вступление России в ВТО – к росту или падению ПЗИ в российскую экономику? Этот вопрос представляется далеко не праздным. Говоря языком теории, речь идет о том, являются ли ПЗИ и товарный импорт субститутами либо дополнениями друг для друга?

Согласно одной точке зрения международная торговля товарами и ПЗИ являются скорее субститутами друг для друга. В соответствии с этим вступление России в ВТО приведет к снижению внешнеторговых барьеров (тарифов, нетарифных ограничений); это стимулирует рост импорта и снизит мотивацию инвесторов к осуществлению инвестиций. Другая точка зрения основывается на представлении о дополняемости (комплементарности) торговли и инвестиций. В соответствии с этой позицией вступление в ВТО приведет к улучшению инвестиционного климата, росту предсказуемости российской экономики; это стимулирует и иностранные инвестиции, и импорт товаров и услуг.

Анализируя вопрос о взаимосвязи между торговой либерализацией и притоком ПЗИ, мы рассмотрим теоретические аргументы, представленные в различных концепциях теории международной торговли, в пользу гипотезы о

¹ В последние три года появилось несколько интересных теоретических и эмпирических работ по проблеме присоединения России к ВТО. В их числе следует в первую очередь назвать работы специалистов Центра экономических и финансовых разработок (ЦЭФир, Москва) и Российской экономической школы (РЭШ, Москва) [Россия и ВТО, 2001; Bessonova et al, 2001].

субституции ПЗИ и международной торговли либо в пользу гипотезы о дополняемости между ними. Кроме того, мы обратимся к последним эмпирическим работам, предметом которых является оценка детерминант для ПЗИ в переходных экономиках Центральной и Восточной Европы, и попробуем интерпретировать их результаты в категориях заявленного выше вопроса.

Важным результатом нашего анализа является вывод о теоретической актуальности для условий переходной экономики России аргументов как в пользу гипотезы о замещаемости ПЗИ импортом товаров и услуг, так и в пользу альтернативной гипотезы. При этом значимость тех или иных альтернативных аргументов в основном определяется технологическими характеристиками, а также характеристиками рыночной структуры в отраслях. С эмпирической точки зрения мы приходим к выводу о доминировании мотивов к прямому зарубежному инвестированию, связанных с инвестиционным климатом, над мотивами, обусловленными торговыми барьерами, в условиях переходных экономик Центральной и Восточной Европы. Последнее позволяет прийти к заключению об эмпирической незначимости гипотезы о субституции между ПЗИ и международной торговлей для переходных экономик.

Выгоды от прямых зарубежных инвестиций для принимающей экономики

С начала 70-х годов XX века отмечается поворот в политике большого числа стран мира от стратегии импортозамещения и ограничения деятельности иностранных инвесторов в пользу стратегии экспортоориентированного развития и создания благоприятных условий для деятельности многонациональных компаний (МНК). В 90-х годах стратегия внешнеэкономической открытости получила небывалое ускорение. Одним из главных направлений этого процесса стала либерализация международной инвестиционной деятельности и развернувшаяся конкуренция между странами за создание более благоприятного режима для ПЗИ.

Одним из индикаторов этого процесса может служить резкий рост числа улучшений режима по отношению к прямым зарубежным инвестициям (ПЗИ), предпринятых большой группой стран в последнее десятилетие XX века (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

*Динамика изменений режима по отношению к ПЗИ
в мировой экономике в 90-е годы XX века²*

Показатели	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Количество стран, введших изменения режима по отношению к ПЗИ	35	43	57	49	64	65	76	60	63	69
Количество улучшений режима	80	79	101	108	106	98	135	136	131	147
Количество ухудшений режима	2	—	1	2	6	16	16	9	9	3

² Данные приводятся по: [World investment report 2001, 2001: 6].

В период с 1991 по 2000 год в целом в мировой экономике было введено 1185 изменений в национальных режимах функционирования ПЗИ, причем в 1121 случаях эти изменения касались улучшения режима по отношению к ПЗИ.

Значительными темпами росло и число двусторонних соглашений о защите инвестиций, а также двусторонних соглашений об избежании двойного налогообложения. Так, на конец 2000 года общее число соглашений первого вида достигло 1941 и только за 2000 год 78 стран заключили 84 таких соглашения. Что касается соглашений второго вида, то на конец 2000 года их общее число вышло на уровень 2118, причем только за 2000 год 59 стран мира заключили 57 двусторонних соглашений об избежании двойного налогообложения применительно к компаниям с иностранными инвестициями [World investment report 2001: 6–7].

Наблюдающиеся в последнее время улучшение режима по отношению к ПЗИ, бурный рост количества двусторонних соглашений между странами, облегчающих деятельность компаний с ПЗИ, указывают на то, что присутствие иностранных инвесторов все чаще признается в качестве благоприятного фактора для экономического развития.

Потенциальные выгоды от прямого инвестирования для страны – импортера инвестиций чрезвычайно разнообразны. Для переходных экономик Центральной и Восточной Европы их значимость особенно возрастает.

Во-первых, ПЗИ являются источником дополнительного производственного капитала – чрезвычайно дефицитного ресурса в условиях глубоких структурных реформ в постсоциалистических экономиках. Иностранные инвестиции выступают в этом смысле как действенный фактор структурной трансформации экономики.

Во-вторых, прямые зарубежные инвестиции являются развитой формой международного экономического сотрудничества и в силу этого рассматриваются как эффективный способ интеграции национальной экономики в мировую экономику. ПЗИ, как правило, содействуют росту внешнеторгового оборота принимающей страны, увеличению объемов и разнообразия форм производственного и научно-технического сотрудничества.

В-третьих, ПЗИ обеспечивают трансферт технологии, ноу-хау, передовых методов управления и маркетинга и тем самым способствуют повышению эффективности использования производственных ресурсов как в компаниях с иностранным участием, так и в национальных фирмах принимающей страны. Преимущество в производительности труда в компаниях с ПЗИ оказывается весьма существенным и характерно как для развитых рыночных экономик, так и для новых переходных рыночных экономик, в частности для экономики России. При этом следует отметить, что для российской экономики отрыв в производительности труда в секторе иностранных компаний особенно значим и превышает соответствующие показатели для развитых стран в 2–4 раза (табл. 2–3).

В-четвертых, в условиях экономической трансформации ПЗИ способствуют становлению новой институциональной структуры рыночной экономики, укрепляют зарождающиеся на рыночной основе хозяйственные связи между экономическими субъектами. В этом смысле прямые зарубежные инвестиции следует рассматривать как действенный фактор институциональной трансформации в переходных экономиках Центральной и Восточной Европы и, в частности, в России.

К концу 90-х годов сектор иностранных компаний становится все более значимым в экономике современной России. Уровень производственной доли этого экономического сектора в последние годы (1999–2000) превысил 10-процентный уровень и составил в 1999 году 11,2%, а в 2000 – 12,6% (табл. 4).

В настоящее время более одной десятой доли валового внутреннего продукта (ВВП) России производится в секторе компаний с иностранными инвестициями, что представляется для условий российской экономики чрезвычайно высокой величиной. Мифом становится утверждение о маргинальном характере прямого зарубежного инвестирования в современной трансформационной экономике России.

Т а б л и ц а 2³

Технологический отрыв в производительности труда компаний с ПЗИ в некоторых странах мира (1980–1990-е годы)

Страны	Год	Технологический отрыв ⁴
Развитые:		
Голландия	1985	3,51
	1994	3,68
США	1985	1,19
	1996	1,52
Франция	1987	1,25
	1992	1,03
Великобритания	1985	1,38
	1992	1,39
Швеция	1985	1,70
Германия	1985	2,25
Япония	1995	2,11
Норвегия	1994	1,21
Развивающиеся:		
Гонконг	1985	2,21
	1994	2,91
Малайзия	1985	1,21
	1994	1,43
Турция	1986	4,79
	1990	2,77
Сингапур	1980	1,91

³ Рассчитано по: [World investment report 1999, 1999: 406 – 409] (см.: [Балацкий, Павличенко, 2001: 45]).

⁴ Технологический отрыв рассчитывается как отношение производительности труда в секторе компаний с ПЗИ к соответствующему показателю в национальном секторе экономики (число раз).

Т а б л и ц а 3

Технологический отрыв в производительности труда компаний с ПЗИ в экономике России (1990-е годы)⁵

Показатели	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Технологический отрыв	5,64	7,47	9,19	7,06	4,28	4,37	4,58	6,22	5,25	6,91	6,06

Итак, наблюдающийся в мировой экономике рост конкуренции между отдельными странами за привлечение ПЗИ, а также ставший достаточно высоким уровень влияния сектора иностранных компаний в современной экономике России делают особенно значимым вопрос о влиянии торговой либерализации, связанной с предстоящим вступлением России в ВТО, на перспективы иностранного инвестирования в российскую экономику. Приведет ли снижение уровня тарифной защиты и упрощение таможенных процедур к росту иностранного инвестирования в экономику России? Этот вопрос становится чрезвычайно важным.

Т а б л и ц а 4

Производственная доля компаний с ПЗИ в экономике России (1990-е годы)⁶

Показатели	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Объем производства в секторе компаний с ПЗИ к ВВП России, %	0,49	1,38	2,49	3,03	2,04	2,77	3,36	4,50	8,00	11,2	12,6

Взаимосвязь между торговой либерализацией и притоком ПЗИ: теоретические аргументы

Проблема взаимосвязи между торговой либерализацией в принимающей экономике и притоком в нее прямых зарубежных инвестиций может быть интерпретирована в категориях отношений субституции/комплементарности между международной торговлей товарами и международными инвестициями. Иными словами, речь идет о том, что ПЗИ могут выступать либо субститут (заменителем), либо компонентом (дополнением) международной торговле товарами. С этой точки зрения либерализация международной торговли может иметь разнонаправленные последствия: либо привести к сокращению ПЗИ, либо способствовать росту иностранного инвестирования.

Действительно, в одних случаях компании, экспортирующие свои товары в другую страну, могут рассматривать как более выгодную стратегию перемещения производства в страну – импортер товаров ради того, чтобы обойти высокие таможенные тарифы, сэкономить на транспортных расходах, а также приблизиться к источникам сырья и дешевой рабочей силе. Осуществляя ПЗИ, эти компании будут сокращать свой экспорт, а прямые зарубежные инвестиции будут выступать субститут (заменителем) международной торговле товарами. В этом случае либерализация международной торговли (снижение таможенных та-

⁵ Рассчитано по: [Россия в цифрах, 1996; Российский статистический ежегодник, 2000; 2001].

⁶ Рассчитано по: [Россия в цифрах, 1996; Российский статистический ежегодник, 2000, 2001].

рифов) может мотивировать расширение экспорта компаний и соответственно снижение иностранного инвестирования. В соответствии с этой логикой страна, вступающая в ВТО и либерализирующая свою внешнеторговую деятельность, может столкнуться с падением объемов иностранного инвестирования и ростом товарного импорта.

Напротив, в других случаях может наблюдаться одновременное расширение объемов ПЗИ и внешней торговли товарами со стороны компаний-инвесторов. Это происходит, например, тогда, когда компании перемещают за границу лишь часть своей технологической цепочки и продолжают параллельно осуществлять международную торговлю полуфабрикатами на внутрифирменном уровне. Другой пример дополняемости торговли и инвестиций может быть связан с производством дифференцированных продуктов. Так, компания, производящая несколько разновидностей сильно дифференцированного товара (например, товары бытовой химии), может быть заинтересована в перемещении за границу производства товара какой-либо одной разновидности с тем, чтобы непосредственно на месте приспособлять его к особенностям спроса в стране-реципиенте. Расширяя выпуск, компания может параллельно экспортировать эту разновидность товара в другие страны, специализируя производство на заводах в разных странах. В каждом из этих случаев наблюдается параллельное расширение международной торговли и иностранного инвестирования; инвестиции и торговля выступают как комплементы или дополнения. В рамках этой логики вступление рассматриваемой страны-реципиента в ВТО и либерализация ее внешней торговли будут иметь в качестве следствия расширение в ней прямого зарубежного инвестирования.

Какой из названных подходов более реален для современного состояния мировых рынков и условий переходной экономики России? Ответ на этот вопрос требует обращения к основным теоретическим аргументам названных подходов, а также к эмпирическим свидетельствам.

Первый вариант теоретической аргументации в пользу субституции между торговлей и инвестициями базируется на допущениях модели международной торговли Хекшера – Олина – Самуэльсона, которая исходит из совершенной конкуренции на рынках, отсутствия технологических различий между странами, а также наличия постоянной отдачи от масштаба производства. При этих допущениях свободная международная торговля приводит к выравниванию цен между странами не только на торгуемые товары, но и на ресурсы, реально в торговле не участвующие. При выравненных ценах отсутствуют мотивы для международной миграции факторов производства. Эти мотивы наблюдаются лишь тогда, когда на рынках появляются «искажения», например, в форме импортных таможенных тарифов. Импортные тарифы создают разницу в относительных ценах конечных благ на внутреннем и мировом рынках и обеспечивают появление разницы в ценах ресурсов между странами, что создает мотив для международной миграции ресурсов.

Основываясь на этих допущениях, Р. А. Манделл в своей теореме показал, что мотивированные протекционистской политикой инвестиции приводят к полному прекращению внешней торговли страны-реципиента [Mundell, 1957: 321–335]. Результат, полученный Р. А. Манделлом, существенным образом зависит от трех допущений его модели. Во-первых, производственные функции должны быть идентичны во всех участвующих в торговле экономиках. Во-вторых, не должно быть никаких других, кроме импортных

таможенных тарифов, ограничений для международной торговли, в частности, транспортные расходы должны быть равны нулю. В-третьих, в теореме субституции предполагается неограниченная международная мобильность капитала. Если не выполняются названные предпосылки, то замещение международной торговли товарами международной торговлей факторами производства не будет иметь место [Corden, 1974: 190].

Другая линия аргументации в пользу субституции между инвестициями и торговлей базируется на тех современных моделях теории международной торговли, которые подразумевают несовершенную конкуренцию на рынках однородных благ, возрастающую отдачу от масштаба производства на уровне всей фирмы и отдельного завода, а также присутствие транспортных издержек, связанных с экспортом. В рамках этих моделей отсутствуют сравнительные преимущества участвующих в торговле стран и отсутствует разница между странами в ценах факторов производства. Мотивом для ПЗИ в данном случае выступает большая прибыльность перемещения производства за границу в сравнении с экспортными операциями.

В условиях отсутствия сравнительных преимуществ прямые зарубежные инвестиции более эффективны в сравнении с экспортными операциями тогда, когда имеет место по меньшей мере одно из трех условий: экономия от масштаба на уровне фирмы имеет большое значение, экономия от масштаба на уровне завода относительно незначительна либо когда торговые барьеры (транспортные расходы, тарифы) становятся существенной преградой на пути международной торговли [Markusen, Venables, 1998: 183–203]. При выполнении этих условий горизонтальные ПЗИ замещают экспортные операции фирм.

Теоретические аргументы в пользу дополняемости международной торговли и инвестиций также базируются на нескольких типах моделей международной торговли.

Первый тип моделей исходит из логики сравнительных преимуществ и подразумевает существование технологических различий между странами при прочих традиционных допущениях неоклассических моделей международной торговли (совершенная конкуренция на рынках, постоянная отдача от масштаба производства). При этих предпосылках свободная международная торговля приводит к выравниванию между странами цен на торгуемые блага, однако не обеспечивает выравнивания цен факторов производства. Последнее является мотивом для иностранных инвестиций, которые в соответствии с теоремой Рыбчинского направляются в более производительную отрасль и создают дополнительное основание для расширения международной торговли, поскольку обеспечивают рост избыточности в принимающей экономике мигрирующего ресурса [Markusen, 1983: 343–347.]. Расширение ПЗИ, таким образом, приводит к росту международной торговли страны – реципиента инвестиций. Инвестиции и торговля дополняют друг друга.

Другой тип моделей исходит из логики современной теории международной торговли, которая допускает отсутствие сравнительных преимуществ торгующих друг с другом стран и существование вертикально интегрированных структур в международной торговле. Компании осуществляют ПЗИ, перенося часть технологической цепочки на свои заводы в стране – реципиенте инвестиций. В этом случае производство за границей соседствует с внутрифирменной торговлей полуфабрикатами, необходимыми для производства конечных изделий [Blonigen, 2001: 81–104]. Происходит одновременное расширение международной торговли и инвестиций.

Наиболее современные модели, обнаруживающие дополняемость между ПЗИ и международной торговлей, основываются на эффектах от производства дифференцированных продуктов на сегментированных рынках, разделенных через таможенные и транспортные барьеры. Для компаний может быть выгодным производство за границей отдельных разновидностей дифференцированного товара, поскольку положительная разница между эффектом роста дохода от продажи дополнительной единицы новой разновидности и эффектом падения дохода от продажи единицы товара старой разновидности может быть больше за границей, отделенной от страны – экспортера инвестиций различного рода барьерами [Baldwin, Ottaviano, 2001: 434]. Многонациональные компании в этой модели специализируют отдельные заводы в различных странах на отдельных разновидностях дифференцированных товаров и экспортируют эти товары в другие страны. Расширение иностранных инвестиций естественным образом соседствует здесь с расширением международной торговли.

Представленные теоретические аргументы делают более ясными прогнозы относительно взаимосвязи между либерализацией торговли и ростом либо падением иностранных инвестиций в российской экономике. Поскольку различие в выводах между представленными выше моделями основывается на различии в их допущениях относительно характеристик технологий, типа рыночной структуры, присутствия либо отсутствия транспортных издержек и поскольку такие характеристики присущи скорее не всей экономике в целом, а отдельным ее секторам и отраслям, мы вправе ожидать различий в выводах относительно тенденций иностранного инвестирования в российской экономике в зависимости от рассматриваемого сектора либо отрасли экономики.

Единственным исключением в ряду названных характеристик выступает уровень транспортных расходов, поскольку такой тип издержек в основном связан с развитостью транспортной инфраструктуры, в частности, развитостью различных видов транспорта, дорог и складского хозяйства, что скорее может быть приписано характеристикам экономики в целом⁷. Согласно общему мнению для российской экономики характерен довольно низкий уровень развития транспортного сектора и транспортной инфраструктуры, что обуславливает относительно высокий уровень доли издержек на транспортировку в структуре общих издержек на производство, продвижение, транспортировку и продажу товара в условиях российской экономики. Это обстоятельство является существенным для объяснения того, почему снижение внешнеторговых барьеров как следствие присоединения России к ВТО может мало что изменить в отношении большей привлекательности импорта товаров из-за границы в сравнении с иностранными инвестициями, поскольку уровень транспортных расходов будет оставаться очень существенной преградой на пути импорта. Это общее размышление значимо для всей российской экономики и в целом является аргументом против гипотезы о замещаемости прямых зарубежных инвестиций импортом товаров в ходе процесса внешнеторговой либерализации.

---

⁷ Следует иметь в виду, что частично относительный уровень транспортных расходов определяется и отраслевыми характеристиками, в частности, удельной ценой на единицу объема товара, уровнем специализации в отрасли вкупе с числом технологических переделов производства товара в отрасли.

Посмотрим теперь на различные отраслевые характеристики, которые могут быть значимыми с точки зрения взаимосвязи между ПЗИ и торговой либерализацией и могут определять различные перспективы зарубежного инвестирования в различных секторах российской экономики. Основываясь на представленных выше теоретических подходах, к таким характеристикам могут быть отнесены: а) уровень однородности производимого товара; б) количество технологических переделов при производстве товара (уровень его сложности); в) уровень технологического отрыва (технологических различий) между национальными иностранными фирмами в отрасли; г) технологическая характеристика отдачи от масштаба производства, а также д) тип рыночной структуры в отрасли.

Следует отметить, что не все из названных характеристик в реальной экономической практике являются относительно независимыми друг от друга. Так, относительно высокий уровень сложности товара или относительно большое количество технологических переделов при производстве товара, как правило, соседствует с относительно высоким уровнем дифференциации или соответственно низким уровнем однородности рассматриваемого товара. Далее, высокий уровень дифференциации товара в реальности не может поддерживать рыночную структуру совершенной конкуренции. На рынках дифференцированных благ господствует либо олигополия, либо монополистическая конкуренция. Наконец, использование в производстве технологий с возрастающей отдачей от масштаба, как правило, выступает самостоятельным барьером для входа в отрасль и тем самым способствует появлению неконкурентных рыночных структур — обычно в форме олигополии.

Опираясь на представленные выше теоретические аргументы, мы можем заключить, что высокий уровень замещаемости иностранных инвестиций торговлей с достаточно высокой вероятностью будет наблюдаться в отраслях, где одновременно выполняются следующие условия: относительно высокий уровень однородности товара, относительно небольшое число технологических ступеней производства, невысокий уровень технологического отрыва между национальными фирмами и производителями за границей либо вообще отсутствие такового. Надо отметить, что при отсутствии транспортных издержек присутствие вышеуказанных характеристик будет гарантировать замещаемость торговлей инвестиций независимо от того, какой тип отдачи характерен для используемой в отрасли технологии, а также каков тип рыночной структуры установился в отрасли.

В отраслях с относительно однородными товарами, производство которых не предполагает многоступенчатой технологической цепочки и соответственно означает создание относительно несложных товаров, технологический уровень производства которых в России близок соответствующему уровню в развитых рыночных экономиках, господствующим типом инвестиций выступают горизонтальные ПЗИ, что подразумевает перемещение в Россию производства на той же стадии технологического передела, что и в «материнской» стране. В этих отраслях вместе с вступлением России в ВТО и либерализацией торговли можно ожидать сокращения притока ПЗИ. Какие это отрасли? Если ориентироваться на группировку экономических секторов по двузначной классификации ОКОНХ, к отраслям с выделенными выше характеристиками могут быть отнесены топливная

промышленность, электроэнергетика, металлургия, а также лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность.

Напротив, в отраслях, где производятся относительно сложные конечные блага с достаточно большим количеством ступеней технологической цепочки, традиционным типом инвестирования являются вертикальные ПЗИ. В этих отраслях через инвестиции в российскую экономику будут перемещаться лишь отдельные уровни технологической цепочки, что подразумевает одновременное расширение и торговли, и инвестиций.

Подобный результат будет иметь место и в тех отраслях, где независимо от уровня дифференциации и сложности производимых благ будет присутствовать достаточно большой технологический отрыв в пользу российских фирм от их иностранных конкурентов.

В отраслях с высокой степенью продуктовой дифференциации существенное значение для прогноза относительно перспектив прямого зарубежного инвестирования будет иметь степень либерализации торговой политики России в ходе присоединения к соглашениям ВТО. При достаточно значительном снижении торговых барьеров специализация российских подразделений МНК на отдельных разновидностях дифференцированных товаров будет выгодной не только с целью сбыта продукции на российском рынке, но и с целью ее дальнейшего экспорта в другие страны. При этих условиях ПЗИ будут усиливать рост внешнеторговой специализации нашей страны.

В каких отраслях российской экономики следует ожидать одновременно роста внешнеторговых операций и иностранного инвестирования? Опираясь на выделенные выше характеристики, в их числе можно назвать (ориентируясь на двузначную классификацию ОКОНХ) машиностроение, химическую и нефтехимическую промышленность, а также легкую и пищевую промышленность.

Либерализация международной торговли и прямые зарубежные инвестиции: эмпирические свидетельства для переходных экономик

Существуют ли эмпирические подтверждения для того или иного варианта развития событий применительно к России или другим переходным экономикам Центральной и Восточной Европы? Эмпирические свидетельства взаимосвязи между притоком ПЗИ и объемом внешней торговли страны – реципиента инвестиций применительно к переходным экономикам Центральной и Восточной Европы пока чрезвычайно малочисленны.

В качестве одного из наиболее полных исследований детерминант ПЗИ в переходных экономиках, в котором поднимается проблема такой взаимосвязи, можно назвать работу Б. Смарцинской [Smarzynska, 1999]. База данных для исследования составлена на основе опроса менеджеров 1405 фирм, реализующих либо планирующих инвестиционные проекты в 25 странах Центральной и Восточной Европы, в том числе в России. В качестве основного метода количественного анализа в работе используется вероятностная модель множественной регрессии (Probit-модель); в ней оценивается вероятность, с которой зависимая переменная примет определенное значение (в данном случае фирма-инвестор будет осуществлять ПЗИ в переходных экономиках) при заданном приросте значения независимой переменной.

В своей работе Б. Смарцинска ставит цель проверить применительно к условиям трансформационных экономик классическую «эклетиическую парадигму» Дж. Даннинга, утверждающую взаимосвязь между специфичес-

кими преимуществами фирмы-инвестора перед главными конкурентами, преимуществами размещения в стране – импортере инвестиций и преимуществами интернализации, с одной стороны, и выбором фирмы в пользу прямых зарубежных инвестиций – с другой. В качестве одной из характеристик преимуществ размещения страны – реципиента инвестиций автор использует статус страны как члена либо заявителя в члены ВТО. Этим самым была предпринята попытка проверить теоретическую гипотезу о субституции торговли и инвестиций, согласно которой чем выше уровень протекционизма в стране, тем более вероятен приход в нее иностранных компаний через прямые зарубежные инвестиции, поскольку другие формы внешнеэкономической экспансии, как форма экспорта, становятся относительно менее эффективными.

Эконометрическая оценка показала, однако, обратные традиционной гипотезе о субституции результаты. Коэффициенты при параметрах, характеризующих близкое или настоящее членство во Всемирной торговой организации (ВТО), являются положительными, хотя само членство в ВТО отражает относительно большую открытость национальной экономики для мирового рынка. Очевидно, что в данном случае доминирующими при принятии решения о ПЗИ становятся не факторы внешнеторговых барьеров, а скорее факторы благоприятного инвестиционного климата. Как раз прохождение странами сложной процедуры приема в члены ВТО обеспечивает для инвесторов некие гарантии в отношении данных стран как стран с относительно благоприятным инвестиционным климатом.

Более новое исследование страновых детерминант прямого зарубежного инвестирования для переходных экономик Центральной и Восточной Европы было предпринято А. Беваном и С. Эстриным [Bevan, Estrin, 2000]. Используя панельную базу данных по межстрановым потокам ПЗИ из 18 развитых рыночных экономик в 11 переходных экономиках за 1994–1998 годы, авторы формулируют эконометрическую модель, в которой потоки ПЗИ определяются ожидаемой прибыльностью от инвестирования, причем последняя зависит от различных факторов спроса и издержек, трансакционных издержек, а также от оценки странового риска, заданной через кредитный рейтинг страны – импортера инвестиций. В рамках используемого эконометрического подхода авторы одновременно моделируют кредитный рейтинг страны в категориях различных макроэкономических факторов, факторов окружающей среды, а также специфических детерминант, характерных для переходных экономик. Таким образом, в отличие от работы Б. Смарцинской, А. Беван и С. Эстрин ставят перед собой более узкую задачу, пытаясь оценить лишь, говоря категориями Дж. Даннинга, преимущества размещения, обеспечивающие привлекательность переходных экономик для иностранных инвестиций.

Индикатором более либеральной внешнеторговой политики в модели Бева-на – Эстрина выступает наличие у соответствующей переходной экономики статуса заявителя на членство в Европейском союзе (ЕС). При этом подразумевается, что наличие такого статуса означает относительное соответствие инструментов и уровня протекционизма в торговой политике переходных экономик тем требованиям, которые являются общими для всех стран Европейского союза по отношению друг к другу, означает более высокую «прозрачность» и предсказуемость экономической политики переходных стран вообще и их внешнеэкономической политики в частности.

Результаты регрессионного анализа⁸ оказались близкими соответствующим результатам из работы Б. Смарцинской и показали положительную зависимость между наличием у страны статуса заявителя на членство в ЕС и объемами притока в нее прямых зарубежных инвестиций. Более того, названная положительная взаимосвязь усиливалась положительным влиянием статуса заявителя на членство в ЕС на кредитный рейтинг страны, который, в свою очередь, с определенным временным лагом положительно влиял на объемы импорта ПЗИ [Bevan, Estrin, 2000: 20–25].

Представленные эмпирические свидетельства позволяют сделать вывод о том, что более либеральная внешнеторговая политика в переходных экономиках является серьезным сигналом для иностранных инвесторов о благоприятном инвестиционном климате и о достаточно предсказуемой экономической политике государства. В этом смысле иностранные инвестиции и международная торговля товарами выступают для условий переходных экономик Центральной и Восточной Европы не как субституты, а скорее как дополнения друг другу.

Некоторые выводы для России

Насколько актуальной является опасность резкого снижения объемов иностранного инвестирования в российскую экономику в ходе присоединения нашей страны к соглашениям ВТО?

Проведенный нами анализ различных теоретических концепций, выдвигающих свои аргументы в пользу одной из альтернативных гипотез относительно взаимосвязи между внешнеторговой либерализацией и привлекательностью страны для ПЗИ, позволяет предполагать, что в зависимости от характеристик отраслей могут иметь место как эффекты замещения, так и эффекты дополнения торговли и инвестиций. Сравнительный обзор отраслей российской экономики в зависимости от их характеристик показывает, что снижение объемов иностранных инвестиций как следствие либерализации внешнеторгового режима следует ожидать в топливной промышленности, электроэнергетике, металлургии, а также в лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности. Напротив, расширение объемов иностранного инвестирования может оказаться значимым в таких отраслях, как машиностроение, химическая и нефтехимическая промышленность, а также легкая и пищевая промышленность.

Если сравнить две названные группы отраслей в российской экономике, то можно заметить, что если для первой группы характерно относительное превышение стоимости экспорта над стоимостью импорта или, говоря другими словами, отрасли первой группы являются нетто-экспортерами, то вторая группа отраслей может быть отнесена к группе нетто-импортеров. Это различие является существенным с точки зрения перспектив прямого зарубежного инвестирования в них. Вряд ли стоит думать, что в отраслях первой группы импорт является относительно менее значимым из-за высоких внешнеторговых барьеров. Скорее, речь идет о том, что топливная промышленность, электроэнергетика, черная и цветная металлургия, а также лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность относятся к отраслям сравнительного преимущества в России. Именно поэтому торговая либерализация вряд ли может иметь следствием увеличение объемов

---

⁸ В качестве метода анализа использовалась панельная регрессия со случайными эффектами.

импорта и соответствующее снижение стимулов для иностранного инвестирования. Что касается другой группы отраслей, то, в соответствии с предсказанием теории, рост импорта в них с большой вероятностью будет сопровождаться ростом прямого иностранного инвестирования.

Более того, представленные выше эмпирические свидетельства расставляют новые акценты в вопросе о влиянии торговой либерализации в России на перспективы притока в экономику иностранных инвестиций. Проблема, скорее всего, лежит не в плоскости особенностей тех или иных отраслей, различных с точки зрения характеристик дифференциации продукта, длины технологической цепочки и пр. Торговая либерализация, видимо, важнейшая характеристика благоприятного инвестиционного климата переходных экономик и потому является одним из главных дополнительных мотивов для прямого иностранного инвестирования в регион Центральной и Восточной Европы и, в частности, в Россию.

Список литературы

- Baldwin R. E., Ottaviano G. I. P.* Multiproduct multinationals and reciprocal FDI dumping // J. of Intern. Economics. 2001. Vol. 54.
- Bessonova E. et al.* Foreign trade liberalization and its effect of Russian economy / Paper prepared as a report for the GET project. M., 2001. 28 Sept.
- Bevan A. A., Estrin S.* The determinants of foreign direct investment in transition economies / William Davidson Institute Working paper № 342. Ann Arbor. 2000. Oct.
- Blonigen B. A.* In search of substitution between foreign production and exports // J. of Intern. Economics. 2001. Vol. 53.
- Corden W. M.* International trade theory and the multinational enterprise // Economic analysis and the multinational enterprise / Ed. J. H. Dunning. L., 1974.
- Markusen J. R.* Factor movements and commodity trade as complements // J. of Intern. Economics. 1983. Vol. 14.
- Markusen J. R., Venables A. J.* Multinational firms and the new trade theory // Ibid. 1998. Vol. 46.
- Mundell R. A.* International trade and factor mobility // The American Economic Rev. 1957. Vol. 47.
- Open markets matter: The benefits of trade and investment liberalisation. P., 1998.
- Smarzynska B.* Composition of foreign direct investment and protection of intellectual property rights in transition economies / Discussion Paper №. 2228. L., 1999. Sept.
- World investment report 1999 / UNCTAD. N. Y.; Geneva, 1999.
- World investment report 2001 / UNCTAD. N. Y.; Geneva, 2001.
- Балацкий Е., Павличенко Р.* Иностранный сектор в экономике России // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 5.
- Российский статистический ежегодник / Госкомстат России. М., 2000; 2001.
- Россия в цифрах: Краткий статистический сборник / Госкомстат России. М., 1996.
- Россия и ВТО: мифы и реальность. М., 2001. Июль.